

Корреспондент «ЛГ» встретился с главным режиссером Театра драмы и комедии на Таганке, заслужившим званием артиста РСФСР А. ЭФРОСОМ после очередной репетиции...

— Репетиция вашего спектакля «На дне» в Театре на Таганке подходит к концу. Скоро — премьера. Какое у вас предпримьерное настроение?

— Тревожное. Премьер я всегда боюсь. Такое бывает разное отношение на первых спектаклях — с ума сойдешь. Да, близкий тебе человек станут давать прямо противоположные отзывы. В первый месяц после премьеры не знаешь, куда деваться.

Лет шесть назад в Театре на Таганке я ставил «Вишневый сад». Тогда все мы, участвовавшие в спектакле, очень беспокоились — како́во во будет его восприятие. Спектакль был поставлен совсем в иной манере, чем та, к какой привыкли зрители этого театра. Мы беспокоились — будет ли воспринята здесь недостаточно знакомая стилистика.

— А канова стилистика спектакля «На дне»?

— Тут я не могу сказать, что она противоположна тому, что в этом театре было. Мне хотелось как-то объединить то, что ему свойственно, с тем, что я сам считаю необходимым в искусстве делать. В этом «сплаве» я видел какое-то возможное начало моей здесь работы.

В «На дне» заняты почти все ведущие актеры театра. Я хотел их научить чему-то своему, чего они не знают, но и поучиться у них. Они не были на сцене равнодушными, безжизненными. Но они чаще играли инсценировки, чем пьесы. В инсценировках одно лишь монтажное сопоставление часто звучит так сильно, что прощешь какое-то несовершенство актерской игры.

Актерская работа в пьесе требует много внутреннего психологического пространства, иной глубины. Много распределения всех сил.

— Как актеры восприняли недостаточность знакомого им метода работы?

— По-моему, хорошо, если, конечно, я не ошибаюсь. Вначале, правда, была неко-

торая растерянность. У меня ко всему еще довольно странная манера репетировать. Вначале все подробно сам показываю, а потом почти ничего не делаю — даю возможность актеру обжить-ся, проверить и проявить самого себя. Актеры чаще в

и не поймешь сразу, как в этом поступать. Много здесь и других, недостаточно знакомых мне привычек, которые мешают создать такие условия, когда и сам не нервничаешь, и людей нервничать по пустякам не заставляешь. Должен быть такой

мирил в них по отношению к старой пьесе. Лично для меня нет ничего более святого в искусстве, чем старый МХАТ. Я знаю, мне кажется, каждую мелочь, относящуюся к старым мхатовским постановкам Чехова и Горького. Но ведь не повторять же эти постановки. У меня просто не получилось бы, да и время другое. У всех у нас другая психофизика.

О мхатовском спектакле «На дне» я знаю, кажется, все, что только можно было бы узнать. Делать же «приходить-ся» что-то свое, то, на что ты сам способен.

Конечно, режиссер и актеры таким образом раскрывают не только классическое произведение, но и самих себя. Бывает так, что это самораскрытие оказывается убийственным для создателей спектакля. Но скрываться за спиной у классика тоже ведь не дело. Впрочем, когда люди так прычутся — это тоже своеобразное самораскрытие. Нужно, по-моему, идти к зрителям открыто. При этом идешь, конечно, внимания. Ждешь такой же открытости, с какой сам идешь.

— Что вы еще можете добавить о самом театре и его будущих планах?

— Актеры, с которыми я сейчас работаю, что-то вроде хорошей плотной артели. В них нет душной театральности, они по-настоящему чувствуют жизнь. Так что, работая, в общем, очень интересно. Сейчас в малом зале режиссер А. Васильев ставит новую пьесу В. Славкина. Драматург А. Червинский тоже недавно читал труппе новую пьесу. Она будет поставлена на большой сцене. Старая ремонтируется и вновь откроется через полгода. Тогда наконец будут действовать сразу три площадки.

Режиссер Б. Глаголин вскоре начнет работу над инсценировкой документальной повести белорусской писательницы С. Алексеевич «У войны не женское лицо». Спектакли по классическим пьесам, вероятно, будут таковы «Мизантроп» Мольера, «Буря» Шекспира. Есть еще и другие планы, но пока надеюсь показать «На дне».

Анатолий
ЭФРОС:

ИНТЕРВЬЮ

«ЛГ»

«НА ДНЕ» И ДРУГИЕ ПРЕМЬЕРЫ

первый период несколько шокированы моим натиском, а во второй период им уже кажется, что все готово, и они сами никак не совершенствуют то, что было предложено вначале. Но большинство в конце концов осваиваются и начинают прекрасно импровизировать. Каждая репетиция должна быть творчеством, а не механическим повторением того, что следует сделать.

— Канова была атмосфера работы?

— Атмосфера во многом зависит от самого режиссера. Он должен уметь создавать рабочую обстановку. Я этот закон теоретически хорошо знаю. Но иногда, по многим причинам, теряешь спокойствие, и тогда начинаются всевозможные срывы.

Театр этот не легкий. (Впрочем, я не знаю легкого театра.) Многие артисты привыкают сниматься в кино, нередко гастролируют по разным городам. Иногда кажется, что в театре они только «прописаны». Поскольку все это вошло в привычку, то

творческий покой, чтобы то, что делаешь на сцене, можно было бы еще задолго до спектакля многократно повторить, взвесить.

— Ну и как, удалось все же на этот раз все взвесить?

— В основном, надеюсь, удалось. Хотя кое-что становится ясным, и сожалению, только при встрече с публикой. Вдруг выясняется, что такое-то место непонятно, а другое — чересчур разжевано. Или что-либо в этом роде.

— Вы много раз ставили классику, и вас часто критиковали за, если можно так сказать, «излишнюю нетрадиционность». Как будет обстоять дело на этот раз?

— Эта «излишняя нетрадиционность» не прихоть, не баловство. Многим кажется, что режиссер просто из прошлого чувства быть во что бы то ни стало оригинальным придумывает какой-то вздор.

Но если речь идет о серьезной работе, то люди, упорно работая, вовсе не думают о какой-то специальной оригинальности. Они стараются выразить то живое, что воз-